

И.И. МОЧАЛОВ

«БЕДА ПРИДЕТ... В ЖЕЛЕЗНЫХ ПЕРЧАТКАХ»

Впервые с упоминанием о русском историке Сергее Николаевиче Чернове мне довелось встретиться около 40 лет тому назад во время работы над рукописями дневников академика В. И. Вернадского. С трудами Чернова я не был знаком и какими-либо сведениями о нем не располагал, а относящиеся к нему записи Вернадского были столь немногочисленны, отрывочны и лаконичны, что практически «пищи для ума» (моего, во всяком случае) не давали и тогда особого интереса не вызвали... Однако сравнительно недавно, обратившись вновь к дневнику 1942 г., который Владимир Иванович вел, находясь в эвакуации в Боровом (Северный Казахстан), я натолкнулся на запись, где Вернадский глухо, ссылаясь на дошедшие до него окольными путями слухи, писал о предположительной смерти Чернова в немецкой оккупации в городе Пушкине (пригород Ленинграда). И вспомнилась вновь фамилия давнего моего, когда-то случайно встреченного, но надолго оставшегося в памяти «архивного знакомого»...

Тем с большим интересом и ожиданиями несколько месяцев тому назад я взял с выставки в Российской государственной библиотеке книгу: *С. Н. Чернов*. Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма (СПб.: Лики России, 2004. 304 с.: ил., тираж 500 экз.). Ожидания оправдались с лихвой, пожалуй, – более чем с лихвой. Хочется сказать сразу: это – удивительная Книга, удивительного Автора.

В ней впервые публикуется внушительных размеров статья, вернее и ближе к истине, – монография С. Н. Чернова «Декабрист П. Ив. Пестель. Опыт личной характеристики» (с. 63–181) и давно попавший в разряд раритетов очерк «Поиски “Русской Правды” П. И. Пестеля (Материалы к истории следствия по делу декабристов в 1825–1826 гг.)» (с. 182–240). Обширный материал для понимания незаурядной, редкой глубины и красоты личности С. Н. Чернова, его жизненного пути, творческих исканий дают *также впервые публикуемые* в книге его письма к своему учителю, старшему товарищу и другу, историку Сергею Федоровичу Платонову (1860–1933) (с. 241–298). Этой же цели служат редакционное предисловие (ответственный редактор издания – д-р ист. наук А. Н. Цамутали) и превосходная вступительная статья к. ист. наук Т. В. Андреевой «Сергей Николаевич Чернов – ученый и человек» (с. 3–62)¹, которую, на мой взгляд, можно рассматривать как заявку на *всестороннее исследование* жизни и творчества волею случая «отодвинутого в тень» ученого...

¹ Т. В. Андреева, в соавторстве с д-ром исторических наук В. С. Парсамовым, выступает как составитель и комментатор текстов книги.

Первый сборник трудов С. Н. Чернова по декабристоведению (424 с.) вышел почти полвека тому назад ². Тираж его был существенно больше издания 2004 года – 3000 экз., что, в сравнении с нынешними временами, для научной публикации совсем неплохо.

Знакомство с содержанием обеих книг, историческими очерками С. Н. Чернова, публиковавшимися в российских энциклопедиях, немногими работами, выходившими в 1920-е гг. отдельными изданиями, с помещенным в сборнике 1960 г. списком его трудов ³, убеждает в том, что *было бы неоправданно узко подходить к Чернову только как к историку декабризма*. Последнее было главным, но отнюдь не единственным направлением его поисков. С разной степенью основательности научные интересы Чернова охватывали широкий круг проблем отечественной, а отчасти и всемирной, истории, исторической географии России, источниковедения, археологии, краеведения, музейного дела, истории российской науки и техники, биографий ученых, общественных и политических деятелей, педагогики, психологии... Словом, это был не столь уж редкий в российской культуре XIX–XX вв. представитель гуманитария-энциклопедиста, в глубинном своем существе бесспорно родственный иному, также распространенному в России типу, – натуралиста-энциклопедиста.

Приведу, ради краткости далеко не полный, перечень тем и проблем, которые, помимо истории декабризма, разрабатывались С. Н. Черновым со времен студенчества начала 1900-х гг. – до 1942 г., последнего года жизни, т. е. в течение более 30 лет, реализовавшись в виде отдельных напечатанных или оставшихся в рукописях и машинописях трудов – очерков, статей, книг: Об изучении изменений естественных условий, в которых протекал русский исторический процесс; О древнейшей географии Руси; Рабство и феодализм в Древней Руси; К истории русско-хазарских отношений; О челяди XIII в.; О раннем собирании восточных монет в России; Термин «род» в «Повести временных лет»; Александр Невский и битва на Чудском озере; Семилетняя война; Владимирское Великое княжество; Из литовско-русских отношений XII–XIII вв.; Литовско-Русское государство; Куликовская битва; К истории России в крепостную эпоху; Основание Нижнего Новгорода; Нижегородский край в 1606–1611 гг.; История соляного дела в России в XVIII в.; Немецкая колонизация в России в XVIII в.; Присоединение Бессарабии в 1812 г.; Из истории дворянского национализма 10-х гг. XIX в.; Солдатские настроения в начале 1820-х годов; О преподавании исторической географии России в русской высшей школе; О собирании и изучении географической номенклатуры; Краеведение и архивное дело; Взаимоотношение музеев и краеведческих обществ; Роль архивных материалов в музейном деле; Из истории науки и техники в Московском государстве 1-й половины XVI в.; Хронологиче-

² Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1960.

³ Там же. С. 408–415. Список включает около 200 книг, брошюр, статей, очерков, докладов, лекций, заметок, рецензий, научных отчетов, тезисов выступлений, некрологов: опубликованных; сданных в печать, но не вышедших в свет; подготовленных к публикации; оставшихся в рукописи; начатых, но не законченных; он не является исчерпывающим, так как часть материалов архива Чернова погибла, часть еще не выявлена.

ский список фактов истории науки и техники у народов СССР в XVI в. ⁴; Наука при Петре I; Наука при Елизавете Петровне; Академия наук в 1725–1742 гг. ⁵; Устав Академии наук 1747 года; Преемник М. В. Ломоносова академик У. Х. Сальхов; Академия наук в первой трети XIX в. и В. В. Петров ⁶; Семья Менделеевых; Семья Чернышевских; Н. Г. Чернышевский – учитель Саратовской гимназии; Н. Г. Чернышевский о П. Я. Чаадаеве и его «Апологии сумасшедшего»; Борьба Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне «воли»; Профессор П. Г. Любомиров ⁷; Биографические очерки ⁸; Авраамий Палицын, Байер Г.-З., Бенкендорф А. Х., Витовт, Голицыны А. Н., Б. А., С. П., Дубельт Л. В., Закревский А. А., Иловайский Д. И., Кочубей В. П., Лобанов-Ростовский А. Б., Марселисы ⁹, Мейерберг Августин, Менезий Павел, Мстиславские ¹⁰.

О С. Н. Чернове как человеке и ученом можно было бы сказать его же словами, адресованными им одному из героев его биографических очерков: «Он соединял с редкою трудоспособностью выдающиеся дарования» ¹¹. И в жизни, и в науке Чернов был, – если не во всем, то в главном, – ярко выраженным максималистом. Творческая продуктивность его была феноменальной, а разнообразие дарований – несомненным. Будущие биографические изыскания, надо думать, многое прояснят в его личности, отчасти еще остающейся для нас загадочной.

Может показаться странным включение мною выше в круг исследовательских интересов С. Н. Чернова, наряду с другими, также и *психологии*. Действительно, собственно психологических трудов, эссе или статей в его наследии как будто нет. Дело здесь в ином: обращаясь к исследованиям, как сказали бы мы теперь, «протестных» массовых движений или действий отдельных лиц, Чернов выказывает себя незаурядным *мастером психологического анализа*. Свое принципиальное сredo в отношении частного, но для него очень важного случая *П. И. Пестеля*, С. Н. Чернов довольно подробно изложил в своей фундаментальной работе 1925–1926 гг. Его размышления на этот счет интересны и поучительны и сегодня ¹².

Установку на изучение психологии исторических личностей Чернов стал реализовывать еще в студенческие годы, т. е. в начале своего творческого пути. В исследуемом им герое Чернов стремился выявить его глубинное, чисто *человеческое* содержание со свойственными ему противоречиями, отча-

⁴ С. Н. Чернов был одним из участников составления этого списка.

⁵ Рукопись и машинопись – 572 с.

⁶ Около 22 п. л. объема; работа не закончена.

⁷ Статья посвящена памяти русского историка Павла Григорьевича Любомирова (1885–1935), уроженца г. Саратова, самого близкого друга и земляка С. Н. Чернова.

⁸ Точное их количество пока не выяснено. В 1911–1916 гг. очерки были опубликованы в «Новом энциклопедическом словаре» изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон (тома 1, 4–6, 8, 10, 11, 13, 16, 18, 19, 23–27) и в «Русской энциклопедии» изд. «Деятель» (тома 4, 6, 11). Автор обращался к биографиям как отдельных личностей, так и целых родов.

⁹ Гамбургский купеческий род, в XVII в. осевший в Москве.

¹⁰ Удельные князья в Литве (XV–XVI вв.); знатный московский боярский род (XVI–XVII вв.).

¹¹ Чернов С. Н. Байер Готлиб-Зигфрид (1694–1738) // Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 4. СПб., 1911–1916. Стб. 705.

¹² На интереснейшем документальном материале С. Н. Чернов рассматривает далее личные мотивы, которые толкали или могли толкать Пестеля к царевбийству (с. 105–113).

сти независимо от того, кем реально был этот герой, к какому сословию или классу принадлежал, какое место занимал в социальной иерархии и в каком «качестве» он формально вошел в историю – прогрессиста, революционера, консерватора или реакционера. Сознательно или бессознательно (скорее всего, верно второе) здесь Чернов следовал художественному методу Ф. М. Достоевского... Так, в раннем своем очерке, посвященном Л. В. Дубельту, Чернов писал:

В обстановке политического сыска и непрестанной борьбы с пробудившейся общественной мыслью, Дубельт, по-видимому, сохранил отзвуки религиозных исканий, человечности и даже сентиментальности, как видно из его беглых заметок и писем к жене, а также из показаний людей, его знавших (Никитенко), даже им судимых (петрашевец Ястржембский). Конечно, далеко не всегда Дубельт был доступен этим чувствам. Вышеупомянутые заметки рисуют его борьбу с самим собою и с служебными привычками. Человек весьма умный, Дубельт хорошо знал слабые стороны русского государственного строя, а в «Заметках» своих резко осуждал иногда деятелей и отдельные стороны политики Николая Павловича. Усвоив, не без сомнений, политический канон правящих сфер, Дубельт принял на себя защиту господствовавшего порядка и проведение в жизнь системы охранного террора. Страх Николая I, его двора и министров перед возможностью революции был велик, и поэтому Дубельт в борьбе со всяким общественным движением был жесток и беспощаден. Трагизм личности Дубельта еще не вполне выяснен, психологическая загадка его политической эволюции еще не решена¹³.

Высшей точки развития эта психологическая установка достигла, видимо, в книге, посвященной Пестелю. Очень емко и выразителен рисуемый С. Н. Черновым немногими штрихами облик центрального героя (с. 130–131)¹⁴.

Вообще книга С. Н. Чернова, посвященная Пестелю, проникнута тонким психологизмом, идет ли речь о главном ее герое или о других действующих лицах, в первую очередь отце и матери Пестеля, о русских императорах – «Павловичах», как их иногда именует автор, – Александре I и Николае I и других персонажах. Это роднит научное исследование с художественным произведением и позволяет причислить Чернова к кругу последователей, а в чем-то и основоположников историко-психологического жанра, в равной (или почти равной) мере воздействующего на мысль и чувства читателя.

¹³ Чернов С. Н. Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) // Новый энциклопедический словарь... Т. 16. Стб. 859. Ведший «дело петрашевцев», Л. В. Дубельт участвовал в аресте и допросах Ф. М. Достоевского. Впоследствии свое мнение о нем Достоевский высказал в мемуарной записи 24 мая 1860 г. в альбом О. А. Милюковой: «Уверяю, что Леонтий Васильевич был преприятный человек...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 18. Л., 1978. С. 175).

¹⁴ Суровый приговор П. И. Пестелю, как и декабристскому движению в целом, вынес Ф. М. Достоевский: «14-ое декабря было диким делом, западническою проделкою, зачем мы не лорды?.. Освободили ли бы декабристы народ? Без сомнения, нет. Они исчезли бы, не продержавшись и двух-трех дней. Михаилу, Константину стоило показаться в Москве, где угодно, и всё бы повалило за ними. Удивительно, как этого не постигали декабристы. Необразованность, потребность впутаться, мерзавца, как Пестель, считать за человека» (*Достоевский Ф. М.* Записная тетрадь 1875–1876 гг. // Полн. собр. соч. Т. 24. Л., 1982. С. 82). Известно, что Л. Н. Толстому пришлось отказаться от работы над романом о декабристах, так как доступ к архивам ему был воспрещен.

...Судьба С. Н. Чернова сложилась трагически, в чем-то она оказалась схожей с судьбой некоторых его исторических персонажей, в частности декабристов. Сергею Николаевичу не суждено было умереть естественной смертью. Его последовательно убивали и в конце концов убили – духовно и физически – два тоталитарных режима, триумфально вознесшихся в прошлом веке на пьедесталы победителей, – большевистский и фашистский. И если казнь, уготованная ему советским большевизмом, растянулась на долгие годы, то германский фашизм покончил с ним в считанные дни...

С. Н. Чернов родился 28 января 1887 г. в Саратове в купеческой семье; начальное образование получил дома, среднее – в 1-й саратовской мужской классической гимназии, которую окончил с золотой медалью. Гимназические годы – 1897–1905 – стали для Чернова временем идейно-политических исканий. В гимназии были заложены основания его демократических убеждений, оппозиционности самодержавию, неприятия конформизма... В 1905 г. Чернов поступает на юридический факультет Петербургского университета, но в 1907 г. переходит на историческое отделение историко-филологического факультета, окончательно избрав историю главной своей профессией как ученого и педагога. Впоследствии (1920–1940-е гг.) «в своих автобиографических документах в графе «партийность» Чернов неизменно ставил – «беспартийный». По-видимому, это было связано с тем фактом, что, если в пору весны университетских лет он еще был связан с антиправительственными элементами и принимал активное участие в студенческом движении, забастовках 1905–1908 гг., то уже в 1909–1910 гг. отошел от революционной стихии и почувствовал живую потребность заниматься только научно-педагогической деятельностью» (с. 8, 17–18). Ее начало относится к 1908 г., когда студент Чернов приступает к ведению в Петербурге и параллельно в Саратове систематических архивных, краеведческих, археологических изысканий.

По окончании университета в 1912 г., для сдачи магистерских экзаменов, завершения работы над диссертацией и подготовки к профессорскому званию, С. Н. Чернов был оставлен на кафедре русской истории. Решающую роль в этом сыграли хлопоты декана историко-филологического факультета и заведующего кафедрой С. Ф. Платонова, на много лет ставшего советчиком и другом своего талантливого ученика. Как и многие выпускники, Чернов был оставлен в университете без стипендии и, помимо чтения на факультете пробных лекций, был вынужден зарабатывать на жизнь преподаванием в частных учебных заведениях – коммерческом училище, гимназиях, рабочих школах...

В 1914 г. началась война с Германией. С. Н. Чернова освободили от призыва в армию из-за слабого зрения. «Он осознавал, что страна терпела поражение в большей степени вследствие внутреннего кризиса, чем военных неудач, и видел необходимость движения навстречу друг другу власти и общества, их новых взаимоотношений. По прошествии нескольких лет, Чернов отмечал: “Все понимали, что война не кончится скоро, но никто из нас этих неудач не хотел, никто не рассчитывал на них строить выход из политического тупика, но чувствовалось ясно, что власть не в силах отклонить общественную помощь и что факт принятия этой помощи приведет к налаживанию новых отношений с теми кругами, которые ее дают, а через то – к ослаблению правительственного гнета вообще”» (с. 20).

Начиная с «судьбоносного» 17-го года и вплоть до своего трагического финала, жизнь С. Н. Чернова еще в невиданной и никогда им ранее не испытанной степени была сплошь окрашена в полярные черно-белые тона, и он сам в автобиографии, если бы когда-нибудь всерьез за нее принялся, мог бы с успехом сделать самого себя предметом «саморазорванной» психологической интроспекции, как, впрочем, не менее «разорванной» социальной объективации. Контрастность жизни Чернова, естественно, была динамичной, «волнообразной», меняла свои очертания и степени резкости, между полюсами то и дело возникало и исчезало множество промежуточных, «переходных» состояний; в разные времена полярность моментами то усиливалась, то ослаблялась – но никогда не падала до нуля.

Это обуславливалось, с одной стороны, внутренними, коренившимися в самой личности С. Н. Чернова причинами, своеобразием его психической организации, его характера; с другой – в ней отпечатывался внешний фон его повседневной жизни, отражались условия его творчества и деятельности как исследователя, педагога, социально активного человека. Немалую, а в чем-то, пожалуй, и решающую роль в этой «динамике контрастов», их разнообразия и изменчивости, играло то обстоятельство, что – или в поисках «лучшей доли», столь характерных для подавляющего большинства россиян того времени, или по причинам сугубо научным – Чернов то и дело вынуждался к большим и малым «блужданиям», перемещениям в пространстве российской Евразии...

Как и многие, Февральскую революцию 1917 г. С. Н. Чернов встретил с тревогой и надеждой на будущее. Осенью того же года он переезжает из голодающей столицы в относительно благополучный Саратов, где принимает участие в создании полноценного университета, ранее состоявшего всего из одного медицинского факультета. Благодаря скромным усилиям Чернова университет его родного города пополнился двумя факультетами – гуманитарных и точных наук.

Когда произошел октябрьский переворот, С. Н. Чернов трудился на кафедре русской истории Саратовского университета в должности приват-доцента. Его реакция на это событие была типична для той части научно-педагогической интеллигенции, которая, вопреки тяжелым внешним обстоятельствам, продолжала хотя бы отчасти сохранять свойственный ей исторический оптимизм. «...Послереволюционная действительность отторгалась всеми – как приверженцами монархическо-государственнических воззрений, так либеральной и демократически настроенной научной интеллигенцией, ориентированной на утверждение правопорядка, реальное представительство, многопартийность. Единые в своей уверенности, что большевистский режим не долговечен, университетские ученые и сотрудники Академии наук по-разному строили с ним свои взаимоотношения. Большинство саботировало, многие эмигрировали, некоторые ушли из жизни, поскольку не смогли пережить уничтожение “старой” культуры. И только часть дореволюционной интеллигентальной элиты, в том числе молодые историки петербургской исторической школы (к которой принадлежал и С. Н. Чернов), включилась в новую систему культуры, продолжая развивать те жизненные и научные программы, которые были сформированы в предыдущую эпоху. По своей имманентной сущности созидатели и труженики, в новых реалиях советской жизни они пытались найти конкретную форму для реализации своих педагогиче-

ских и ученых возможностей... Проработав на кафедре русской истории Саратовского университета около года, в июле 1918 г. С. Н. Чернов был избран доцентом, в сентябре того же года получил звание профессора университета, в котором утвержден 27 ноября 1918 г. декретом Совнаркома» (с. 27–28). Чернову в это время шел 32-й год...

1918 год принес Чернову тяжелейшее испытание. «После покушений на В. И. Ленина и других большевистских вождей, советская репрессивная система, усиливая “красный террор”, в качестве “искупительных жертв” избрала заложников из представителей различных слоев “прежнего режима” — государственных деятелей, фабрикантов, банкиров, юристов, офицеров, чиновников, купцов, полицейских и даже крестьян. В августе 1918 г. они сотнями были арестованы в Царицыне, Камышине, Вольске, Саратове и помещены на баржи, которые в течение нескольких месяцев стали их “плавучими тюрьмами”. На одной из таких барж, где находилось около ста человек, в качестве “заложника” оказался и отец С. Н. Чернова — Н. Д. Чернов. В таких нечеловеческих условиях и атмосфере постоянного страха находились эти люди, свидетельствуют воспоминания очевидцев, которых постигла та же участь... Пытаясь спасти отца, Чернов предложил чекистам себя в качестве заложника: “Старик умрет в тюрьме через несколько дней, и вам придется опять кого-то искать; возьмите меня; я молод и здоров — вы избавитесь от лишних хлопот”. Ответ был отрицательным... 10 октября 1918 г. большинство заложников было освобождено. Однако для Н. Д. Чернова тюремное заключение не прошло бесследно: в 1920 г. он умер от истощения» (с. 36–38).

С 1918 г. С. Н. Чернов возглавлял Саратовский политический комитет Красного Креста. «Это было важным событием как для его близких, поскольку, по словам Чернова (из письма С. Ф. Платонову в августе 1918 г.), “в случае беды я нужный человек в семье, уже принявший горе от новой власти”, так и для многих земляков, “познавших все муки советской тюрьмы”» (с. 38). Саратовец А. А. Минх писал в своих воспоминаниях, что «в те мрачные дни террора С. Н. Чернов всю душу вложил на помощь угнетенным, замученным по тюрьмам, преследуемым согражданам...» (с. 39).

По свидетельству коллеги и друга С. Н. Чернова, историка М. Е. Сергеенко, работавшей в эти же годы в Саратовском университете, «Чернов был прекрасным лектором и преподавателем, в высокой степени обладавшим “чувством истории”, которое живой водой взбрызгивает прошлое, превращает его в кровно-близкое, заставляет жить одной с ним жизнью. Он увлекал и захватывал своих слушателей и учеников и стилем своего преподавания, и очарованием, исходившим от всего его существа» (с. 30). У нее же «есть еще одно важное свидетельство о Чернове, отражающее его нравственную высоту, мужество и свидетельствующее о нем как патриоте, в то время когда сами понятия “отечество” и “родина” были вычеркнуты из общественного сознания. Сергей Николаевич был — явление на Руси редкое — человеком принципиальным, и от убеждений своих не отрекся бы за все золото мира; не считал он нужным о них и умалчивать. Он любил родину, Россию, и говорил о родине тогда, когда самое понятие “родина” считалось гнусной буржуазной выдумкой; он был верующим человеком и не отрекался от своей веры в то время, когда вера в Бога числилась среди признаков не только буржуазной темноты, но и опасного несогласия с советским курсом» (с. 30–31).

«По воспоминаниям Е. Н. Кушевой, ученицы С. Н. Чернова в Саратовском университете, в своих лекциях и на семинарских занятиях он не только не идентифицировал себя с марксистами, но никогда не говорил студентам о марксизме, хотя в эти – 1920-е – годы уже появилось издание курса “Русской истории” М. Н. Покровского. В то же время она отмечала тот огромный интерес, который Чернов проявлял к личности и творчеству Покровского, главы тогдашнего советского марксизма в области историографии, а также деятельности тех официальных органов, которыми последний руководил. В свою очередь, Покровский не только демонстрировал более чем благожелательное отношение к Чернову, но [...] своим слушателям в Комакадемии называл его “прирожденным марксистом” [...] С одной стороны, С. Н. Чернов, несомненно, находился под определенным влиянием марксизма, в котором его привлекали диалектический метод, исторический реализм и социологические наблюдения [...] С другой – для него были характерны: отрицание исторической неизбежности социальной революции, фетиша экономического фактора как основы исторического процесса, а также отсутствие в научном арсенале таких понятий, как “класс” и “классовая борьба”» (с. 31–32).

Вопреки внешним обстоятельствам, складывавшимся крайне неблагоприятно, 1920-е гг. – время подъема («взрыва», если употребить термин В. И. Вернадского) научного творчества и педагогической деятельности С. Н. Чернова. Творческая, с огоньком, молодежь влекла его к себе. «Любимым делом Чернова всегда были – исследовательская работа с историческими источниками и занятия со студентами» (с. 24). Как и его ближайшие друзья и единомышленники, Чернов стремился, говоря его словами, «поставить прошлое на службу настоящему... и помочь современникам сознательнее переживать на опыте прошлого настоящее, а также дать необходимый материал политическому или государственному деятелю» (с. 33).

В данном случае С. Н. Чернов фактически излагает принципиальную «установку» также и своих университетских учителей, в первую очередь С. Ф. Платонова. О том, сколь многим он был ему обязан, Чернов всегда помнил. В апреле 1920 г., узнав об избрании Платонова академиком, Чернов, поздравляя его, писал: «Для многих из нас Вы были первою любовью...; но с ней в нашей душе переплеталось чувство, которое я условно назову чувством робости. Оно проистекало не из каких-либо Ваших – для нас тяжелых – качеств, а было результатом ясного сознания нами глубокой пропасти, отделяющей от Вас каждого из нашей среды... В невольной и длительной разлуке с Вами стирается как-то невольно это чувство робости. Влюбленность остается властительницей души» (с. 19–20).

К сожалению, 20-е гг. не оправдали надежд Чернова. Все менее и менее они благоприятствовали и свободному творчеству, и особенно подлинно научному преподаванию. Жесткий и все более жестокий пресс «диктатуры пролетариата» давил все сильнее и беспощаднее. Но Сергей Николаевич не впадает в отчаяние и безысходность. Он продолжает надеяться на лучшее. Исторический оптимизм все еще не оставляет его. Если иметь в виду главную тенденцию, то есть основание полагать, что этого так никогда и не случилось...

Картину эволюции размышлений и переживаний С. Н. Чернова середины – второй половины 1920-х гг. рисуют его письма учителю...

С. Н. ЧЕРНОВ – С. Ф. ПЛАТОНОВУ

1

21 августа 1925 г. Москва

[...] Что Вам сказать о себе? В январе трудами нашего «Иуды»¹⁵ я был так разгружен от всякой работы в Саратове, что прожил здесь, в Москве, «весну» (т. е. весенний семестр, конец января – май). Я работал по «Русской Правде», переходя от наслаждения, когда раскрывался генезис текста, к отчаянию, когда он не поддавался моим ключам, и всегда страдал над процессом графического выражения моих наблюдений. Продолжал собирание материалов к широко задуманной книге об И. Д. Якушкине... Ряд моих статей маринуется в письменных столах Саратова и Москвы и в московских, и питерских редакциях.

Позднюю весну я провел в Саратове во всяких делах. Лето жил в Москве, склоняясь над «Русскою Правдой». Москва, наконец, дала себя знать: я болел и переутомился. И не оправился посейчас. В эти летние месяцы написал большую – листа на 2 – статью об изучении местной истории. К сожалению, ее сократили в редакции¹⁶. Боюсь, что «Правда» задержит меня здесь на всю осень. И начинаю скучать по Саратову и преподаванию.

Кажется, что там мои дела несколько улучшились: «Иуды» больше нет. Весною мне насчитали 9 часов и дали интересные курсы. Итак, сейчас мне хочется туда. Но там для меня нет прежней полноты жизни. Последние 5 лет мой «общественный инстинкт» находил себе приложение в научно-организационной работе, – в моей «Архивке»¹⁷. Но теперь складывается так, что мне стало надо оттуда уйти. В новых условиях жизни я оказался невозможен как председатель. И я ушел... Это дало мне возможность свободной ученой работы – потому, что разгрузило мой загруженный «Архивкою» день. Но это совсем выкинуло меня из жизни. «Гвоздик» моего общественного существования оказался выдернут – и я в бездне общественного небытия. Это создало тяжелый душевный кризис, который еще никак не разрядился, и я не знаю, как и когда разрядится. Положение осложняется тем, что по требованию «Иуды» я не был включен в местный Краеведческий институт. Этот институт создан прошлой осенью; в нем с этой осени должна вестись большая исследовательская и научно-организационная работа, на какую обещаны и соответствующие средства. Я же оказался вне возможности принять в ней участие...

¹⁵ [Имеется в виду В. В. Буш, историк, литературовед, в 1924–1931 гг. профессор Саратовского университета, занимавший там и в других учреждениях Саратова престижные административные посты; по характеристике М. Е. Сергеевко, «второе издание Иуды Искарриота, исправленное и дополненное» (с. 253). Приложивший руку к разрушению историко-филологического факультета, Буш был одним из главных «идеологических гонителей» С. Н. Чернова, что во многом способствовало изгнанию того из университета. «Тем не менее, когда через несколько лет, в 1934 г., смертельно больной Буш лежал в больнице, то, по свидетельству Сергеевко, единственным, кто навещал его, оказался приехавший в родной город в отпуск С. Н. Чернов. Когда же В. В. Буш “что-то залепетал в свое оправдание (совесть говорит – увы! – громче перед смертью, чем в дни успеха, купленного подлостью)”, то Сергей Николаевич прервал его, сказав, что “все понимает и говорить об этом не стоит”» (С. 55).]

¹⁶ [Чернов С. Н. История и современность в работах краеведа // Первые шаги краеведа. Сб. статей. Иваново-Вознесенск, 1926. С. 99–142.]

¹⁷ [Так С. Н. Чернов называл Саратовское общество краеведения, членом которого (одно время и руководителем) он много лет являлся.]

Я обречен – я говорю про фактическое положение вещей – на индивидуальную работу в архиве, без материальных средств вести коллективную и в том масштабе, как это хотелось бы... А ведь в самые трудные годы я отдал краеведческой работе и время и силы. В эти кошмарные годы я стоял в центре больших маховых колес, которые то плавно, то с перебоями вертелись вокруг меня и под моим контролем, и с моей помощью. И сейчас они вертятся вокруг меня, – но они вертятся сами по себе и мимо меня. И вот эта вынужденная бездеятельность в общественной работе тяжела, безмерно тяжела. Ведь обрублены последние причалы, и судно вверяется волнам...

Самое страшное – это то, что *я не вижу, когда наконец придет настоящий день* (курсив мой. – И. М.), и снова станет можно работать, быть мастером среди своих коллег, а не посторонним зрителем томительного верчения чужих маховиков. Я – не из отчаявшихся. Я тверд. Я знаю, что когда-то этот настоящий день придет, что когда-то станет снова возможно работать и быть мастером. Я уверен в этом так же, как в том, что нашей стране предстоит великое будущее и что наш великий народ скажет свое слово и положит свое дело на весы истории, и что его слово и его дело будут великого, всемирно-исторического значения. Я верю в это так же, как в то, что снова сложится наша распавшаяся государственная территория и православный Крест и русский флаг поднимется на башнях и мачтах Босфора. Я не только в это верю – я это знаю. И это – при старом радикализме моих политических и социальных воззрений – создает мое особое, *не враждебное* отношение к нашей революции. Я никогда не могу сказать этого вслух, но я про себя считаю ее необычайно значительной и подлинно Великой – и Великой именно с большой буквы. Но я при всем этом оказываюсь врагом революции, как она *бывает*, – хотя и сочувствую ей, какой *она есть*. И оказываюсь, и надолго обречен быть совершенно выключенным из жизни. Вот это новый, сравнительно молодой – ему нет и года – факт моей жизни. О, если бы он оказался коротким и скорее оборвалась его тяжелая томительность. И если бы *они* были бы хотя бы немного умнее, чем они есть.

Одно из самых тяжелых, что здесь есть, конечно, незнание – для меня почти абсолютное. Незнание не только того, что происходит за границей, но и того, что творится у нас. Я лично ничего не знаю и чувствую, что, оставаясь здесь, я ничего и не смогу узнать. Но я должен знать, куда медленно движется ленивая колесница мировой жизни.

Одна из немногих усад положения – научная исследовательская работа. Но последнее время я стою перед рядом вопросов, на которые не могу отыскать ответов в тех архивных фондах, с которыми более или менее знаком. Я чувствую, что мне нужен новый и иного происхождения материал. Изучение истории общественного брожения во всех слоях населения России в первые десятилетия XIX в. у меня упрется в нестачу материала. Мне представляется, что его мне должны дать архивы Вены, Парижа, Лондона, Берлина, Бадена, Вюртемберга, других южных городов Германии. Самые обстоятельства ноября и декабря 1825 г. едва ли могут быть изучены без обращения к этим архивам.

По всем изложенным соображениям, я хочу летом будущего года ехать за границу. Так как я более всего жду от моих архивных поисков в Вене и Париже, я хотел бы ехать прежде всего в два эти города. На днях я хочу начать в Главнауке хлопоты о разрешении мне этой поездки. Конечно, я не могу рассчитывать на какую-либо ее денежную поддержку и, вероятно, буду должен поехать на риск или заем, каковой, наверное, как-нибудь устроить по старым знакомствам в Саратове удастся (с. 247–250) ¹⁸.

¹⁸ [Эта поездка так и не состоялась. За пределы тогдашнего СССР С. Н. Чернов за свою жизнь ни разу не выезжал.]

2

11 марта 1926 г. Саратов

[...] Живу с конца января в Саратове. Так как я «прогулял» прошлый триместр, сейчас имею многовато часов. Но это легче, чем без часов, как прошлой осенью. Трудная, пестрая по своему составу аудитория: от ищущих, с которыми приятно поговорить и радостно работать, до уверенных в полном постижении существа вещей и подгоняющих факт под сущность; с этими скучно говорить и тяжело работать. Впрочем, иногда «количество переходит в качество» — и становится весело и с ними. Так было этими днями, когда один из умников возгласил несколько решительных фраз, смысл которых сводился к тому, что хозяйственная жизнь Киевщины в значительной мере состояла в грабеже: «грабили, и когда все разграбили, тогда Киевская Русь и погибла, а вовсе не от татар»...

Общество наше краеведческое живет очень напряженной жизнью. Идут ученые заседания, проводится большая работа реорганизации, печатаются работы. Однако я стою уже в стороне от этой кипучей работы по обстоятельствам, о которых писал Вам осенью. Развивается и наша музейная жизнь. Глуше дело с архивной, где почти нет способных работать людей.

В связи с развитием местной ученой работы у меня опять встает вопрос об объединении частей ее, посвященных изучению истории быта. Мне все кажется, что возрождение исторического видения пойдет через широкие разыскания в области истории быта, — через синтез мелочей конкретного бытования.

[...] Буду, видно, и это лето работать в России. Рассчитываю на московские, вяземские и, может быть, петербургские архивы. Но, кажется, часть лета придется сидеть в Кисловодске или Мацесте.

В канун московского моего пребывания я дважды выступал со своими «впечатлениями от новых материалов о Пестеле». Был изруган. Тамошняя «великая княгиня» В. Н. Фигнер выступила прямо «императрицей Ириной», восстанавливающей иконопочитание. Какие-то две старушки сзади ругали меня «черносотенником» и злобно шипели. Милая простушка (М. В. Нечкина) обличала меня от... Фрейда. Вообще был переполох. И только от того, что я подошел к Пестелю, как к человеку... (с. 259–260, 263).

3

Весенний Никола, 1927 г. Саратов

[...] Я надеялся видеть Вас в Керчи, но неожиданно для себя резко заболел своей обычной московской болезнью. Эта болезнь — мой частый московский удел, когда я в Москве бываю один, без жены, и столуюсь, как придется. Но среди сборов в Керчь я не ждал приступа болезни: она подкралась неожиданно и поразила меня крепко. Вместо Керчи пришлось мне ехать в Саратов. Здесь меня, не оправившегося, захлестнула суета зачетов и заседаний; скоро пришлось и начинать занятия. Я вошел в заведенную колею с 12 часами в первом и 16 — во втором семестре.

Но моя московская обыкновенная — и глубоко прозаическая — болезнь на этот раз имела не совсем обычные последствия: она смяла и сломала мое настроение — бодрое от недавних благотворных воздействий кавказских предгорий и их «кислых вод». Я сейчас и сам хорошо не возьму в толк, как это случилось. Может быть, и не одна болезнь виновата в этом, потому что, хотя и совсем не систематически и не очень усердно, но рано (после «вод») начал

заниматься. Как бы то ни было, но осень у меня прошла в довольно мрачных тонах настроения; сколько могу припомнить, новая смена стала расти только с середины октября; к концу ноября мрачные ноты исчезли почти совершенно. В письме не расскажешь, как произошло это изменение.

Еще в конце 1925 г. я принял предложение Госиздата редактировать автобиографию Н. Г. Чернышевского, осень и декабрь 1926 г. у меня ушли в очень значительной степени на работу над нею. Получился opus большой емкости: я разумею мои предисловия и примечания¹⁹. Госиздат потребовал его сильного сокращения; при сокращении должны были отмереть и места, где его ученые мужи усмотрели необычный подход или неординарное решение: ведь никогда и нигде нельзя обнаружить «несоответствие», а там, где надо кланяться и почитать, нельзя рассуждать и сомневаться.

[...] В университете и Обществе моя роль сужается. В университете она идет на снижение: ибо учебно-плановая комиссия в расходовании средств держится особых, не предусмотренных законом, но зато твердых правил, и меру отпускаемых средств определяет поведением – так, как буйных школьников оставляют без обеда, а шаловливых детей без сладкого; меня учебно-плановая комиссия оставила без средств, чем и разбила мои мечты съездить со студентами в Петроград и в деревню: и там и тут я хотел их учить *источникам*. «Уча учимся», – как сказал один по нашему времени молодой доцент, а попросту почти мальчик, очень желающий и никак и нигде не могущий стать профессором; сказал он это по другому поводу – и, кажется, не первый – но, выворачивая и принаравливая его слова, ныне можно приложить к очень многим явлениям нашей грустной жизни... Что-то будет осенью? А сейчас мы даже планов будущего года еще не знаем...

Вот, кажется, и все рамки моей скудной жизни. Отраду в ней и них находишь только в работе, семье и растущей, прекрасной, подлинно *золотой*, молодежи. Да, это будет крепкая и дельная интеллигенция будущего – интеллигенция-народ, чудеснейшее явление нашей современности.

Часто с нею вспоминаешь милый Питер и рассказываешь ей о дорогом родном университете. И вообще часто мыслю бываешь в величавой и прекрасной столице нашего сурового Севера.

[...] Если бы другие члены саратовской группы петербуржцев рассеяния знали, что я Вам сегодня пишу, они непременно просили бы Вам кланяться. Все они здоровы, работают, а некоторые немного хандрят. Их семейства целы (с. 272–273, 275, 278).

4

12 декабря 1927 г. Москва

[...] Я догадываюсь, что часто (вероятно, всегда, когда пишу Вам) доставляю Вам горькие минуты своими письмами. Сегодня могу сообщить Вам и радостную весть, – одну, но такую, которая стоит многих: этим летом Бог послал нам мальчика²⁰. Не стану описывать Вам нашей великой радости: Вы

¹⁹ [Речь идет о книге: *Н. Г. Чернышевский. Литературное наследство: Том первый. Из автобиографии. Дневник 1848–1853 гг.* / Под редакцией Н. А. Алексеева и М. Н. Чернышевского со вступительной статьей и примечаниями С. Н. Чернова. М.; Л., 1928.]

²⁰ [Чернов Константин Сергеевич (1927–194?) – сын С. Н. Чернова и Маргариты Алексеевны Черновой (урожд. Филипповой) (1892–1978). С. Н. Чернов и М. А. Филиппова вступили в брак в ноябре 1915 г. Легко понять радость родителей, более 10 лет дожидавшихся своего первенца.]

сами о ней догадаетесь. Не стану говорить Вам и о нашей великой заботе: Вы тоже о ней догадаетесь. О, только бы он жил!

Но, рядом с этою высокою и светлою радостью, горе по-прежнему ждет за углом своими ударами: о, если бы Вы знали, как безумно тяжело в университете! Там с новой силою назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и отношений, — но сильно опасаюсь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. Крайняя по своим выводам и целям группа требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе, с привлечением источников лишь для иллюстраций...²¹ Должны — и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное сохранение в университете духа научности! И параллельно с ростом «методических» требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов. Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках... (с. 282–283)²².

5

4 марта 1928 г. Москва

<...> «Попечительское начальство» решило мою участь: ГУС²³ признал, что моя работа в Саратовском университете должна прекратиться. ...Я, может быть, еще попробую спорить, но никаких устойчивых надежд у меня уже нет. Позвольте поэтому мне очень просить Вас не отказать в содействии получить работу в Питере или в Москве. Я разумею работу в трех областях — научную, педагогическую и литературную, — что можно (с. 287).

²¹ [«В конце 1920-х гг. в жизни С. Н. Чернова произошли трагические перемены. Наступила эпоха завоевания и подчинения дореволюционной научной интеллигенции и изгнания научного «духа» из университетов и академических учреждений... «Красная профессура» установку на внедрение марксизма в общественные науки видела не в углубленном изучении марксистской традиции, а в механическом использовании марксистской терминологии и вульгарной замене объекта исследования российского исторического процесса на классовую борьбу. Поэтому-то центральными фигурами, на которых сосредоточили свои «атаки» представители ортодоксального марксизма, прежде всего, стали ученые петербургской исторической школы, продолжавшие отстаивать доминирование источников над выхолащенной схемой и органически увязывать их глубокое изучение с широким построением исторических фактов» (с. 51–52).]

²² [««Беда» пришла почти через год. На заседании правления Саратовского университета, состоявшемся 16 февраля 1928 г., декан педагогического факультета профессор В. В. Буш инкриминировал С. Н. Чернову немарксистские методологические принципы, чуждые «требованиям, предъявляемым к современной высшей школе», и поставил вопрос об его устранении из университета. Атакующего руководителя и «правоверного» профессора, как водится, поддержали другие члены правления и было принято решение поручить ректору С. З. Каценбогену освободить Чернова от преподавания в университете» (с. 54).]

²³ [Главное управление высшего образования Саратова.]

12 апреля 1928 г. Саратов

[...] Мои дела – без перемен. Пока служу в Саратове, где кончаю несколько работок по Чернышевскому... Где и как буду осенью, не представляю себе. От Саратова я пока еще не отказался, но мне в нем твердо отказывают. Силы сломаны...

Хотя я и знаю, что Вы имеете в виду безнадежность моего саратовского положения, все же прошу Вас не забывать меня при могущих открыться петербургских или московских возможностях; ехать в другой, кроме, конечно, Саратова, провинциальный город не решаюсь, ибо там сейчас же начнут, по получении здешней информации, травить (с. 288–289).

* * *

...1 октября 1928 г. С. Н. Чернов был освобожден от должности профессора и уволен из Саратовского университета. Несколько лет спустя, мысленно возвращаясь в прошлое, Чернов *отмечал роковую роль, которую сыграл в его жизни 1928 год*. В 1935 г. в двух письмах другу П. Г. Любомирову он писал: «Жизнь моя вообще, конечно, изуродована и сокрушена 1928 годом». «Жизнь моя неудавшаяся и не давшая чего-то, что в существе дела могла бы дать. Я вовсе не занимаюсь самовознесением, но должен сказать, что мог бы дать несколько больше, чем дал, да вот подвел меня ряд моих характеристических черт и черточек, а после и 1928 года – совсем [подвел]» (с. 58). «Отличительные черты характера С. Н. Чернова, – отмечает его биограф, – принципиальность и независимость суждений, – являлись “основанием” для его отторжения...» (там же).

«1928–1935 гг. стали для С. Н. Чернова периодом сложного вхождения в новую жизнь, временем тяжелейших испытаний в смысле быта и творчества... Бороться за себя С. Н. Чернов никогда не умел и не унижался перед властями “предержащими”, вымаливая себе “местечко под солнцем”, хотя в эти годы приходилось туго в материальном смысле и неинтересно в творческом» (с. 56, 58). Мне представляется все же, что последнее утверждение («...неинтересно в творческом») не может быть столь категоричным; с подобной категоричностью факты не во всем согласуются...

В это тяжелое время первая помощь приходит от старого учителя. С. Ф. Платонов, возглавлявший Археографическую комиссию АН СССР, привлекает С. Н. Чернова к сотрудничеству в ней, и в апреле 1929 г., по его представлению, Чернова избирают в состав Комиссии. Очевидно, с его же «подачи» еще ранее Чернов был рекомендован академику В. И. Вернадскому для работы в руководимой им академической Комиссии по истории знаний (КИЗ), членом которой, наряду с другими российскими и иностранными учеными, был также Платонов. Он возглавлял состоявшую при КИЗ и Археографической комиссии Ломоносовскую (по изданию сочинений М. В. Ломоносова) подкомиссию. К работе в ней (как и в Комиссии по истории знаний в целом) и был приглашен Чернов в 1928 г.

1 ноября 1928 г., месяц спустя после изгнания из Саратовского университета, по поручению В. И. Вернадского и С. Ф. Платонова, С. Н. Чернов присту-

пил к поиску и подготовке в последующем издания неизвестной переписки М. В. Ломоносова. Работа эта растянулась до 1934–1935 гг.²⁴ Некоторые первоначальные неудобства 1928–1929 гг., связанные с необходимостью относительно регулярных поездок из Саратова в Ленинград и Москву для работы в архивах, были устранены (или почти устранены) после переезда Чернова с семьей в Ленинград в конце 1929 г.

...Но «беда в железных перчатках» не дремала. В 1929–1930 гг. в Академии разразилось сильнейшее «землетрясение» – так называемое «дело Академии наук», давно исподволь готовившееся в «верхах». По этому «делу», раскрученному на полные обороты «властью дураков и негодяев»²⁵, едва ли не в качестве самого главного «фигуранта» проходил С. Ф. Платонов²⁶. По счастью, «землетрясение» напрямую только краем задело Чернова. По мнению следователей ГПУ, поскольку С. Н. Чернов и его друг П. Г. Любомиров были учениками С. Ф. Платонова, постольку, с большой долей вероятности, и они также могли быть участниками инкриминированного академику «монархического заговора». «2 ноября 1930 г., во время приезда Сергея Николаевича к больной матери в Саратов, оба они были арестованы и провели в Саратовской тюрьме полмесяца, после чего были освобождены. Причем С. Н. Чернов, согласно воспоминаниям Е. Н. Кушевой, во время допросов так увлекательно рассказывал следователю о декабристах, что последний постоянно вызывал его “не столько для допроса, сколько для того, чтобы послушать его рассказы”» (с. 56).

На судьбе С. Н. Чернова «дело Академии наук» сказалось по-иному, не в форме прямых репрессий, а более «тонко» и опосредованно... «По возвращении в Ленинград, все его попытки восстановиться в должности профессора ЛГУ или устроиться на работу в Историко-археографический институт АН СССР, созданный в 1931 г. на основе Археографической комиссии, не увенчались успехом... И в то время, когда ощущался острый недостаток историков в высшей школе и научно-исследовательских учреждениях, специалист такого высокого уровня, как С. Н. Чернов, вынужден был работать по совместительству, а на основной работе иметь два часа лекционного курса в месяц по русской исторической географии в Ленинградском государственном институте философии и лингвистики и рутинные, технические обязанности в архиве Ин-

²⁴ На это косвенно указывает фрагмент записи, сделанной В. И. Вернадским в дневнике 16 ноября 1934 г.: «Утром [был] Чернов: [разговор] о заседании Ломоносовском» (*Вернадский В. И. Дневники: 1926–1934 / Отв. ред. и сост. В. П. Волков. М., 2001. С. 344*).

²⁵ Там же. С. 26. (Из записи от 23 мая 1942 г. в Боровом Казахской ССР.)

²⁶ С. Ф. Платонов был арестован по сфальсифицированному «делу Академии наук» 12 января 1930 г. по обвинению в создании монархической контрреволюционной организации с целью свержения советской власти; приговорен к ссылке на 5 лет в Самару, где и скончался в 1933 г. Реабилитирован в 1968 г. Всего по «академическому делу» было арестовано около 150 человек, в том числе 4 академика, 5 человек расстреляны, часть ученых отправлены в ссылку (см.: *Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235; Он же. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235; Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1; СПб., 1998. Вып. 2.*) Трагическая судьба учителя и друга тяжело, в первую очередь психологически и нравственно, отразилась на жизни С. Н. Чернова в 1930–1940-е гг., а в какой-то мере и на его собственной судьбе.

ститута русской литературы (Пушкинский дом)... Хотя *определенные возможности для реализации своих ученых талантов С. Н. Чернов имел в Комиссии по истории знаний АН СССР*» (с. 56–58. Курсив И.М.)

Действительно, работа в КИЗ и Ломоносовской подкомиссии над эпистолярным наследием М. В. Ломоносова и сопутствующими материалами, – а таких в поле зрения Чернова попадало в различных архивохранилищах великое множество, – очень увлекала Сергея Николаевича. Об этом свидетельствуют недавно впервые опубликованные интереснейшие документы архива КИЗ ²⁷.

Особенно показателен в этом отношении «Отчет» конца 1929 г. Он представляет собой, по сути, небольшое по объему, но вполне самостоятельное *исследование* ²⁸. Поучительна его концовка, ярко обрисовывающая «почерк» Чернова – исследователя-архивиста.

Чернов писал:

...В ЛОЦИА ²⁹ мне предоставили жалкие остатки многострадального фонда Главной соляной конторы, оставшиеся на месте после жесточайшего разгрома фонда в 1911 г. Но среди них оказались только несколько донесений Юнкера и материалы к его огромной работе по строительству соляного дела на Украине. Затем мне дали книги «описей» уничтоженных дел; сейчас я занят их изучением. По моему требованию, мне разыскивают те части фонда Главной соляной конторы, которые, быв спасены от переработки, поступили в здешнюю Публичную библиотеку; затем я предполагаю вести изучение тех частей фонда, которые были спасены Археографической комиссией и Н. П. Лихачевым. Быть может, хотя бы таким путем удастся уловить обрывки позабытых работ Ломоносова по соляному делу и остатки его переписки с таким своеобразным и любопытным деятелем Академии и государственной промышленности, как Юнкер... Прделанная в законченный период работа поисков дала в общей сложности просмотр 334 единиц хранения и 728 документов, в числе которых значительное количество адресовано Ломоносову, но большая часть исходит от него. Многие из этих документов представляют особенную ценность, потому что содержат правку самого же Ломоносова. Довольно много из них никогда не было напечатано.

Представляя себе дальнейшее течение работы, полагал бы необходимым: 1) продолжение поисков в затронутых нами фондах, в первую очередь в фонде самой Академии; 2) вовлечение в поиски новых фондов (Св. Синода, Адмиралтейств-коллегии, Берг-коллегии, частных фондов ЛОЦИА, Канцелярии строений и т. д.) Москвы и Ленинграда; 3) продолжение специальных поисков бумаг Юнкера; 4) вовлечение в поиски некоторых провинциальных хранилищ, например архангелогородских и киевских; 5) сношение с потомками Ломоносова – Орловыми, Котляревскими и другими – и выяснение у них ломоносовских писем и других бумаг; 6) вовлечение в поиски некоторых западноевропейских архивов по спискам ломоносовских корреспондентов и учреждений, с которыми он имел сношения; 7) установление правил издания переписки Ломоносова; 8) начало снятия копий с подлежащих изданию документов – и

²⁷ Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб., 2003.

²⁸ Чернов С. Н. Отчет о занятиях по сбору материалов к изданию переписки М. В. Ломоносова. 16 октября 1929 г. // Комиссия по истории знаний... С. 284–288.

²⁹ Ленинградское отделение Центрального исторического архива.

сверх сего: 9) считал бы крайне важным выписку в Ленинград рукописи, содержащей «Лифляндскую экономию» в переводе Ломоносова, ее переписку и изучение ³⁰.

Увлеченный работой над ломоносовскими и другими документами в отделе Центрального исторического архива в Ленинграде, Чернов был серьезно обеспокоен захватившей также и архивистов волной «чисток». Своей тревогой он делится в письме С. Ф. Платонову от 24 августа 1929 г. в Петроград ³¹. «Мне очень бы хотелось, чтобы мой труд не пропал даром... Сейчас это тем более важно и своевременно, что в ЛОЦИА, видимо, наступила новая эра, возмещаемая гонением на спецов и даже их изгнанием» (с. 298).

Естественно предположить, что в работе над наследием М. В. Ломоносова (как и в целом в своей деятельности в Комиссии по истории знаний) С. Н. Чернов встречал квалифицированную помощь и поддержку со стороны крупнейшего «ломоносоведа» (и председателя КИЗ) В. И. Вернадского, который, вероятно всего, возлагал на Чернова немалые надежды, привлекая его к «работам по подготовке к изданию переписки М. В. Ломоносова, при начале их рассчитанных на несколько лет» ³². О том, что работа, проделанная Черновым в этом направлении в 1929 г., в целом удовлетворила Вернадского, свидетельствует общий Годовой отчет КИЗ, подготовленный его председателем с сотрудниками и, очевидно, им в итоговом варианте утвержденный. «По изданию переписки М. В. Ломоносова С. Н. Черновым, подготовляющим это издание, – говорилось в отчете, – произведены изыскания в Архиве АН СССР, рукописном отделении Библиотеки АН СССР и Ленинградском центрархиве; в архиве Исторического музея, рукописном отделении Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Древлехранилище – Москве. Удалось установить, что довольно много писем Ломоносова никогда еще не было напечатано» ³³.

С 13 ноября 1929 г. стала вакантной единственная в КИЗ штатная (оплачиваемая) должность ученого секретаря, и с 15 ноября, по предложению Вернадского (что само по себе говорило о многом) Чернов взял на себя исполнение обязанностей секретаря на общественных началах. Менее чем через месяц оба они, Чернов и Вернадский, двигаясь по «инстанциям», практически одновременно обращаются в первичную бюрократическую структуру Академии «по кадрам» – Комиссию АН СССР по замещению вакантных должностей – с аналогичными записками.

С. Н. Чернов: «Узнав, что место ученого секретаря КИЗ в настоящее время является вакантным, живо интересуясь работою КИЗ и имея опыт в организации научной работы, решаюсь, пользуясь предложением бюро КИЗ, ходатайствовать перед Комиссией о назначении меня на названную должность» ³⁴.

³⁰ Чернов. Отчет о занятиях... // Комиссия по истории знаний... С. 287–288.

³¹ Примечательно, что ни в одном из опубликованных в книге о Пестеле писем С. Ф. Платонову второй половины 20-х гг., С. Н. Чернов не изменяет «старорежимному» названию города на Неве и не именует его «Ленинградом».

³² Вернадский В. И. Заключение о работе С. Н. Чернова по подготовке к изданию переписки М. В. Ломоносова. 28 февраля 1930 г. // Комиссия по истории знаний... С. 306.

³³ Отчет о деятельности КИЗ за 1929 г. // Там же. С. 297.

³⁴ Чернов С. Н. Записка в Комиссию АН СССР по замещению вакантных должностей. 8 декабря 1929 г. // Там же. С. 293.

В. И. Вернадский: «Согласно решению бюро КИЗ, предлагаю на должность ученого секретаря КИЗ профессора С. Н. Чернова. Замечу, что обычно ученый секретарь по представлению бюро избирается в общем собрании Комиссии. С. Н. Чернов сейчас по поручению Ломоносовской подкомиссии, состоящей при нашей и Археографической комиссии, работает по подготовке издания переписки М. В. Ломоносова»³⁵.

Однако решение столь несложного, казалось, вопроса затягивалось из-за нервозности и суматохи, внесенными в академическую среду «делом Академии наук» с сопровождавшими ее «чистками», допросами и т. п. В начале января 1930 г. В. И. Вернадский, поддержанный академиком И. Ю. Крачковским, обращается по этому поводу к президенту Академии со специальной запиской. В ней, наряду с формальными вопросами замещения должности ученого секретаря КИЗ, он излагает свое понимание требований, которым должен отвечать человек, собирающийся занять этот пост. Записка эта столь важна принципиально и столь содержательна, что, на мой взгляд, не потеряла своего значения и в наши дни. Что именно Вернадский являлся если не единственным, то главным автором записки, не вызывает сомнений. Свою подпись Крачковский присоединил, очевидно, в качестве заместителя председателя КИЗ. В записке говорилось:

...Уже полтора месяца – не по вине КИЗ – не замещается должность ученого секретаря Комиссии. Это вносит чрезвычайное затруднение в нашу работу, которая нарушена совершенно неожиданным и немотивированным отстранением комиссией Фигатнера³⁶ от исполнения обязанностей ученого секретаря Комиссии профессора М. М. Соловьева³⁷. С тех пор деятельность Комиссии придавлена, так как в Комиссии имеется всего одна штатная единица, один работник, который может всецело отдаваться ее работе. До сих пор не рассмотрена кандидатура профессора С. Н. Чернова, который является нашим кандидатом на эту должность и кандидатура которого была своевременно представлена.

Доводя до Вашего сведения о таком тяжелом и ненормальном положении дел, мы считаем вместе с тем своей обязанностью указать на те условия, коим должна удовлетворять должность ученого секретаря КИЗ. При обычных условиях должность эта замещается по выбору общим собранием Комиссии из кандидатов, предложенных бюро Комиссии. Выбранное лицо утверждается Президиумом АН. Этот порядок замещения временно изменен сейчас для лиц, удаленных комиссией Фигатнера, но, очевидно, остается неизменной та квалификация, которой должны удовлетворять лица, которые могут исполнять обязанности ученого секретаря КИЗ, ибо эта квалификация требуется

³⁵ *Вернадский В. И.* Представление в Комиссию АН СССР по замещению вакантных должностей о назначении С. Н. Чернова на должность ученого секретаря КИЗ. 9 декабря 1929 г. // Там же.

³⁶ [Фигатнер Юрий Петрович (Яков Исаакович) (1889–1937), партийный деятель, в 1920–1930 гг. занимал ответственные посты в партийных и советских органах. В июле – декабре 1929 г. правительственная комиссия под его председательством провела «чистку» Академии наук. В 1937 г. арестован и расстрелян; в 1956 г. реабилитирован.]

³⁷ Соловьев Михаил Михайлович (1877–1942), натуралист-зоолог, гидробиолог, историк науки. Ученый секретарь КИЗ с 1 ноября 1928 г. Снят с этой должности 13 ноября 1929 г. во время «чистки» Академии наук. На протяжении многих лет тесно сотрудничал с В. И. Вернадским. Погиб в блокадном Ленинграде. О нем см.: Приложение IV. Список членов КИЗ // Комиссия по истории знаний... С. 624.

пользой дела и не может быть в корне изменена какими бы то ни было иными соображениями. Дело должно делаться, а исполнять его может только лицо, обладающее необходимым для этого знанием и умением, — иначе дела не будет. По отношению к нашей Комиссии дело осложняется тем, что ее работа совершенно новая и необычная и требует таких специальных знаний, которые в нашей стране очень редки. Ученый секретарь Комиссии есть прежде всего ученый-исследователь, работающий в области истории знаний и владеющий какой-нибудь из частей этого обширного цикла наук специальными знаниями. Наличие хороших печатных научных работ в области истории знаний и продолжающаяся собственная исследовательская в ней работа есть непременное условие замещения этой должности. Просто образованный человек сюда не годится, он должен — если у него есть склонность к этой работе — еще учиться, а между тем сейчас работа Комиссии не может быть остановлена и нельзя заниматься — без вреда для дела — обучением руководителя ее работ в то время, когда надо работать. Члены Комиссии и начатые ею работы постоянно требуют помощи авторитетного человека; эту помощь может оказать только ученый, работающий в области истории знаний. Несомненно, в ближайшее же время по сути дела потребуются дальнейшие штатные единицы в Комиссии по трем главным большим отделам истории знаний — истории гуманитарных знаний, естественно-исторических и математических и, наконец, техники в широком ее понимании и технических научных дисциплин. Так как вообще очень мало лиц в нашем Союзе, научно работающих в области истории знаний, наша Комиссия должна сама их готовить. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы ее штатное место было занимаемо лицом, уже нужными знаниями обладающим. Вместе с тем для ученого секретаря КИЗ необходимо, чтобы он смотрел на свою должность как на главную работу, и совмещение им другой работы может быть допущено только с согласия бюро Комиссии. Просим Вас предпринять нужные шаги для скорейшего замещения должности ученого секретаря КИЗ, при соблюдении указанных нами условий ее замещения³⁸.

«После увольнения комиссией «по чистке» ученого секретаря КИЗ М. М. Соловьева его обязанности на общественных началах стал исполнять С. Н. Чернов, и В. И. Вернадский вступает в длительную переписку с Комиссией АН СССР по замещению вакантных должностей об утверждении С. Н. Чернова в этой должности. Но кандидатура КИЗ не встретила поддержки... В феврале 1930 г. прекратила деятельность Комиссия по замещению вакантных должностей, и В. И. Вернадский 28 февраля обращается в Президиум АН СССР вновь с ходатайством о назначении С. Н. Чернова на должность ученого секретаря КИЗ. Вопрос наконец-то был решен положительно»³⁹.

«Постановлением правительственной Комиссии по проверке аппарата Академии наук уволен от должности ученого секретаря КИЗ профессор М. М. Соловьев (см. приказ от 13/XI 1929 г.). С той поры и до настоящего времени должность ученого секретаря КИЗ остается незамещенной, что к сере-

³⁸ Вернадский В. И., Крачковский И. Ю. Записка президенту АН СССР А. П. Карпинскому о замещении должности ученого секретаря КИЗ. 4 января 1930 г. // Комиссия по истории знаний... С. 298–299.

³⁹ Орел В. М., Смагина Г. И., Чумакова Т. В. Комиссия по истории знаний — первая в России научная организация по изучению истории науки и техники (Вступительная статья) // Там же. С. 31–32.

дине января крайне тяжело отразилось на все растущей работе Комиссии. Это обстоятельство побудило бюро Комиссии возложить временные обязанности ученого секретаря на члена Комиссии С. Н. Чернова, работающего в Комиссии с 1/XI 1928 г. над изданием писем М. В. Ломоносова. Его кандидатура была мною выдвинута в Комиссии по замещению должностей. Вследствие прекращения деятельности этой комиссии, не успевшей рассмотреть представление о Чернове, прошу Президиум АН утвердить в этой должности С. Н. Чернова»⁴⁰.

* * *

Около 12 лет спустя, 17 ноября 1941 г., находясь в эвакуации в Боровом, в хронологических набросках к 1934 г. В. И. Вернадский делает следующую любопытную запись⁴¹:

Все мои попытки добиться издания сочинений Ломоносова, отвечающего современному состоянию науки, были неудачны. Я проводил постановление Общего собрания Академии – но в аппарате и в Президиуме оно не двигалось. *Отчасти вина* – в неудачном выборе секретаря [подкомиссии] по изданию сочинений Ломоносова, который должен был издать письма Ломоносова, – бывшем профессоре Саратовского университета Чернове, *запутавшегося в долгах и опустившегося научно* – в связи с допросами в ГПУ (страхом прежде всего). Но *главное* – во главу Комиссии <по истории знаний> попадали люди, которые во внутренней борьбе в партии большевиков были истреблены или посажены, – два подряд председателя Комиссии после меня – академики Бухарин и Осинский⁴².

Как следует из этой записи, в конце 20-х – первой половине 30-х гг. С. Н. Чернов исполнял обязанности секретаря Ломоносовской подкомиссии при двух ее председателях – сначала С. Ф. Платонове, затем, после ареста последнего, – В. И. Вернадском. Видимо, этот более чем скромный пост сам по себе мало вдохновлял Чернова, отягощенного к тому же повседневными нелегкими заботами материального содержания семьи. Не исключено также, что, в связи с «монархическим заговором» Платонова, допросы Чернова в ГПУ продолжались в обеих столицах или одной из них.

Однако никак нельзя утверждать, что в это действительно тяжелое для него время С. Н. Чернов «опустился научно». Как раз по «Ломоносовской тематике» – и далеко не только по ней одной – в первой половине 30-х гг. и позднее Чернов работал весьма интенсивно, о чем свидетельствует перечень

⁴⁰ Вернадский В. И. Ходатайство в Президиум АН СССР о назначении С. Н. Чернова на должность ученого секретаря КИЗ. 28 февраля 1930 г. // Там же. С. 306.

⁴¹ Вернадский. Дневники: 1926–1934... С. 377–378. (Курсив И.М.)

⁴² [Бухарин Николай Иванович (1888–1938), государственный и общественный деятель, академик АН СССР с 1929 г., сменил В. И. Вернадского на посту председателя КИЗ 3 октября 1930 г., организатор и первый директор Института истории науки и техники АН СССР с 28 февраля 1932 г. Арестован в феврале 1937 г., расстрелян в марте 1938 г. Реабилитирован в 1988 г.; Осинский (Оболенский) Валериан Валерианович (1887–1938), партийный и государственный деятель, экономист, социолог, академик АН СССР с 1932 г., после ареста Бухарина стал директором Института истории науки и техники. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.]

трудов (в числе которых значатся и *книги!*) подготавливавших им в это время (см. выше с. 131–132 настоящего очерка и далее примечание 54). Об этих трудах Чернова, скорее всего, Вернадский либо не знал или плохо был о них осведомлен ⁴³.

Весьма действенный творческий заряд на ближайшие несколько лет дал Сергею Николаевичу 1930-й год, в течение которого, «от звонка до звонка», он проработал на штатной должности ученого секретаря КИЗ, не опубликовав при этом ни одного труда. Тем в большей степени невозможно переоценить *потенциальную значимость* этого года в жизни Чернова. Документы свидетельствуют, что «пауза» пошла в конечном счете на пользу дела...

В этом году С. Н. Чернов индивидуально или в содружестве с другими учеными (Л. С. Берг, М. М. Соловьев и др.) изучает историю экспедиций Г. И. Лангсдорфа и Я. П. Гавердовского, биографию своего университетского учителя А. Е. Преснякова... ⁴⁴ Комиссия решила «издать письма Ломоносова. На их издание был приглашен С. Н. Чернов. Эта работа даст чрезвычайно интересные результаты» ⁴⁵. «С. Н. Чернов, подготавливая к изданию переписку М. В. Ломоносова, предпринял поездку в Москву для работы в местных хранилищах, где обнаружен ряд неопубликованных документов» ⁴⁶.

Современные историки достаточно высоко оценивают работу С. Н. Чернова и его коллег в 1930-е гг. по изучению и последующему изданию наследия М. В. Ломоносова. «Ломоносовская подкомиссия работала на протяжении всех лет существования КИЗ. Б. Н. Меншуткиным, С. Н. Черновым, Л. Б. Модзалевским и М. Н. Буткевичем была проделана огромная работа по выявлению и систематизации научного и эпистолярного наследия М. В. Ломоносова. VI и VII тома его сочинений были изданы в 1934 г.» ⁴⁷. В этом была и доля труда Чернова, который продолжал участвовать в работе над Ломоносовским наследием и после реорганизации КИЗ в Институт истории науки и техники (ИИНИТ).

⁴³ Из публикаций С. Н. Чернова этого времени, см., например: Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX века // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете. Т. XXXIV. Вып. 3–4. Казань, 1929. С. 271–330; Следствие о московских событиях в декабре 1825 года // Старая Москва. Статьи по истории Москвы в XVII–XIX вв. Сборник 1-й. М., 1929. С. 51–73; Из работ над «Зеленой книгой» // Декабристы и их время. М., 1932. Т. II. С. 42–44; Литературное наследство М. В. Ломоносова (Обзор) // Литературное наследство. М., 1933. Кн. 9–10. С. 327–339; Г. С. Батеньков. Записки. Редакция, введение и примечания С. Н. Чернова // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. II. С. 53–161; Заметки о следствии по делу Максима Грека // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 465–474; Слухи 1825–1826 гг. (Фольклор и история) // Сергею Федоровичу Ольденбургу. Л., 1934. С. 565–584; Леонард Эйлер и Академия наук // Леонард Эйлер (1707–1783): Сб. статей и материалов к 150-летию со дня смерти. М.; Л., 1935. С. 163–238; М. В. Ломоносов в одах 1762 г. // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 133–180; О смердах Руси XI–XIII вв. // Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 761–777. Будущим биографам Чернова еще предстоит прояснить в деталях картину развития его творчества в 1930–1940-е гг. (как, впрочем, и в более ранние периоды его жизни).

⁴⁴ Отчет о деятельности КИЗ за 1930 г. // Комиссия по истории знаний... С. 362.

⁴⁵ Вернадский В. И. Выступление на заседании КИЗ 12 октября 1930 г. // Там же. С. 348.

⁴⁶ Отчет о деятельности КИЗ за 1930 г. // Там же. С. 362.

⁴⁷ Орел, Смагина, Чумакова. Вступительная статья // Там же. С. 24.

С января 1931 г. С. Н. Чернов был переведен на должность научного сотрудника 1-го разряда КИЗ, а в 1932 г. стал штатным сотрудником ИИНИТ⁴⁸. В начале 30-х гг. Чернов продолжает трудиться над наследием М. В. Ломоносова, ищет подступы к биографиям Н. Н. Миклухо-Маклая и А. Т. Болотова, занимается вопросами истории техники соляной промышленности в России⁴⁹, разрабатывает некоторые традиционные для него темы (см. выше примечание 43), участвует в организации кабинета и библиотеки КИЗ, входит в состав ее совета...⁵⁰

При всем этом в душе С. Н. Чернов неизменно оставался историком, более всего ценящим и любящим хранилища архивов. Максимально полное выявление архивных материалов и их сохранность – вопросы, которыми в первую очередь был озабочен Чернов. В очерке, посвященном опыту создания в 1932 г. в ИИНИТ Комиссии по истории Академии наук, он, в частности, писал:

Предпринятая Институтом работа требует использования грандиозного материала как печатного, так, главным образом, и рукописного, а также изобразительного и т. д. Собрание же этого материала может быть осуществлено только при содействии советских учреждений, общественных организаций и отдельных лиц, имеющих относящиеся до истории Академии наук материалы (документы, письма, дневники, воспоминания, портреты, планы и т. д.), и участия особых ячеек содействия в академических учреждениях.

Собирание и выявление рукописных материалов Академии осложняется тем, что многие академические учреждения еще не сдали своих материалов в Архив Академии. К тому же некоторые академические учреждения недостаточно бережно хранят свои материалы, в результате чего многие дела и документы попали в другие хранилища, затерялись и даже погибли. Ввиду этого, Комиссия постановила обратиться через Президиум с соответствующим письмом ко всем академическим учреждениям.

Что касается материалов, рассеянных по частным хранилищам, то их судьба внушает особое беспокойство. Достаточно известно, как часто они после смерти составителя фонда или коллекции – становятся неинтересными, затериваются и даже исчезают в печке, уборной или на базаре. Поэтому Комиссия сочла необходимым обратиться к лицам, о которых она имеет основания предполагать, что у них имеются соответствующие материалы, с просьбой сообщить о них следующие сведения: к фондам каких учреждений или лиц принадлежат материалы; к какому времени они относятся; каких учреждений, лиц или предметов занятий Академии они касаются. Располагая ответами на предложенные вопросы, Комиссия войдет в сношения с фондообразователями или их правопреемниками в целях принятия мер к охране этих материалов от гибели⁵¹.

⁴⁸ Орел, Смагина, Чумакова. Вступительная статья... С. 363, 629.

⁴⁹ Там же. С. 415, 467, 473, 477–478.

⁵⁰ Там же. С. 387–388, 397, 400, 462.

⁵¹ Чернов С. Н. История Академии наук СССР. Институт истории науки и техники Академии наук // Вестник АН СССР. 1932. № 8. Стб. 89–90.

* * *

Конец 1920-х – первая половина 30-х гг. в жизни С. Н. Чернова психологически отличались (как, впрочем, нередко и ранее) чередованием более или менее значительных подъемов и глубоких спадов. Все чаще обстоятельства складывались против него. Полного приложения своим силам, удовлетворявшей его реализации творческих возможностей Чернов так и не обрел. Материальное положение семьи не улучшалось, приходилось не столько жить, сколько выживать, влезать в долги... В 1935 г. положение стало невыносимым. Наступил кризис...

«Уставший физически и изможденный морально, в январе 1936 г. С. Н. Чернов уехал с семьей в Фергану и стал преподавать в Ферганском государственном педагогическом институте, который, по его словам, в сущности был «старший класс средней школы старого времени или несколько меньше». Лекции приходилось читать с переводчиком, семинарских занятий не было, а вопрос об оценке знаний вообще не стоял, поскольку решался студентами иногда с помощью оружия.

Продержавшись в таких условиях год ⁵², С. Н. Чернов вернулся в Россию и был принят на должность профессора Горьковского педагогического института. 15 марта 1937 г. по совокупности работ ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук, и в предвоенные годы он по праву считался одним из крупнейших специалистов по истории общественного движения 1820-х гг., источниковедению декабризма, исторической географии России ⁵³.

В последние предвоенные годы научная и преподавательская судьба ученого складывалась более удачно. В августе 1939 г. возвратившись в Ленинград, С. Н. Чернов поселился в его пригороде Детском Селе (г. Пушкин) и начал профессорскую деятельность в Институте народов Севера, с января 1940 г. занимая должность заведующего кафедрой. Основную службу в этом Институте он совмещал с работой в Институте истории науки и техники АН СССР ⁵⁴ и Ленинградском государственном университете, а перед самой войной заведовал кафедрой русской истории на историческом факультете Ле-

⁵² [К этому (1936) году относится единственная публикация С. Н. Чернова «Пожелания выпускникам» // Коммуна. Орган Ферганского горкома КП(б) Узбекистана, горсовета, райисполкома и горпрофсовета. 30 июня 1936 г., № 55 (244). С. 2–3. На развороте этих страниц сверху была помещена «шапка»: «Сегодня – выпуск Государственного педагогического института в Фергане»].

⁵³ [В горьковский, продолжавшийся около 2 1/2 лет (1937–1939 гг.), период жизни С. Н. Чернова в печати появилась большая его статья «Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х годов XV века (В порядке обсуждения)» // Труды Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Т. III. Исторический сборник. Горький, 1939. С. 5–55; вторая его публикация – примечания к автобиографии Н. Г. Чернышевского в кн.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1939. С. 807–811].

⁵⁴ Это ошибка. Как известно (этому событию посвящена обширная литература), в 1938 г. ИИНИТ был разгромлен. Однако это не исключает сотрудничества С. Н. Чернова с 1939 г. с *академической Комиссией по истории АН СССР*, как и с существовавшей накануне войны при Президиуме АН «Постоянной комиссией по истории техники и естествознания». Сохранившийся фонд этой Комиссии *содержит много рукописных работ по истории науки и техники, подготовленных с середины 30-х по 1941 гг.* См.: *Илизаров С. С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993. С. 18. (Курсив И.М.)

нинградского городского педагогического института и вел там общий курс по истории СССР.

Великую Отечественную войну С. Н. Чернов встретил в г. Пушкине, в котором, не успев из-за болезни эвакуироваться, остался с семьей в оккупации. События первых месяцев войны были столь стремительными и неожиданными, что, когда начались бомбежки в Москве, а в Ленинграде их не было, Сергей Николаевич в письме от 14 сентября 1941 г. звал Е. Н. Кушеву приехать к ним ⁵⁵.

Но уже 20 сентября г. Пушкин был занят немцами. На предложение немецких властей к сотрудничеству ученый ответил резким отказом. По приказу коменданта города его вместе с женой и 15-летним сыном выгнали из квартиры на улицу и лишили продовольственных карточек, обрекая на голод. Но и в этих тяжелейших условиях он продолжал писать, а после изгнания из дома, пытаясь спасти рукопись последнего своего труда «Из работы над показаниями С. П. Трубецкого на следствии», ночью пробрался в покинутую квартиру и вынес бумаги» (с. 58, 60–61).

5 января 1942 г., в самый канун своего 55-летия, Сергей Николаевич Чернов умер от дистрофии; умер сравнительно молодым, в самом начале нового творческого подъема, далеко не исчерпав и даже не проявив в должной мере отпущенного ему Судьбой духовного и душевного потенциала... ⁵⁶ Был похоронен на Казанском кладбище г. Пушкина в одной могиле со своим другом, писателем Александром Беляевым, скончавшимся 6 января того же года.

Печальным оказался и эпилог этой жизненной трагедии.

Во время войны в г. Пушкине погибли рукописи и бумаги личного архива С. Н. Чернова, среди которых были и бесспорно ценные вещи, – помимо упомянутой выше работы, например, рукопись книги «После декабристов» объемом более 10 п. л. и, очевидно, другие труды, оставшиеся неизвестными.

«Летом 1942 г. жена С. Н. Чернова Маргарита Алексеевна Чернова и сын Константин были угнаны в Германию. И если Маргарите Алексеевне после войны удалось вернуться на родину, то сын бесследно исчез, и все попытки матери разыскать его не увенчались успехом...» (с. 61).

Беда в железных перчатках «праздновала» последнюю свою победу.

Прихода *своего* «настоящего дня» С. Н. Чернов, увы, так и не дождался...

⁵⁵ [В 1941 г. в печати появилась последняя прижизненная публикация ученого: Чернов С. Н. Образование Литовского Великого княжества. Тезисы к докладу. Л., 1941. 4 с. В этом же году на эту тему Чернов сдал в издательство ЛГУ текст статьи объемом около 1 1/2 п. л.]

⁵⁶ «...Не родился и, очевидно, не родится человек, которому удалось бы полностью исчерпать себя, до последнего слова высказать все, что он знал и мог сказать. Дело тут не только в субъективной неисчерпаемости личности, но и в смене исторической обстановки: не все одинаково выявляется и просвечивается даже не только в разные эпохи, но и в близкие десятилетия» (Забелин И. М. Старомонетный плацдарм (Академик А. А. Григорьев). Машинопись. 199 с. Архив Забеллиных. С. 2).